

НА РЫНКЕ

Владимир Герасимов
gerasimovvladimir@gmail.com
впервые опубликовано на сайте
<http://kojevnikova.ucoz.ru>

Рисунок Виктора Богорада

После окончания института я прожил в Питере почти 30 лет. Однако в отпуск всегда старался уехать на Украину, в деревню на Полесье, где жили родители. Потом их не стало, но отпускные планы я не менял вплоть до 1994 года. Речка поблизости от дома, лес и озеро чуть дальше полностью устраивали меня в любую погоду. Если у детей были каникулы, я обычно брал их с собой.

В начале 90-х годов я приехал в деревню один, уже осенью, в сентябре. Часто шли дожди, зато грибов была прорва. В школьном саду можно было свободно нарвать яблок. Или купить более вкусных у соседской бабушки за символическую цену. С другими продуктами было сложнее. Хлеб в магазин привозили редко, и топать за ним приходилось пару километров в соседнее Заречье. Картошку с грибами тоже нужно

было на чем-то жарить. Я “отлепился” от природы и поехал в райцентр, город Ковель – попробовать раздобыть там какие-нибудь съестные припасы.

Раньше от Заречья несколько раз в день ходил автобус, но теперь его отменили. Оставался проходящий поезд, в 6 утра – туда и после 9 вечера обратно. Конечно, целый день пропадал, но другого варианта не было. В городе для начала нужно было просто “убить” время, продовольственные магазины открывались только после 10-11-ти. Я решил съездить на городской рынок, который дважды в неделю по определенным дням работал с самого раннего утра. Прямо у вокзала поменял российские рубли на “карбованци”, втиснулся в переполненный троллейбус и через 20 минут был у цели. Но оказалось, что рынок не работает, высокие ворота были наглухо заколочены. Какой-то ранний прохожий объяснил мне, что внутри с весны идет ремонт, а рынок временно перенесен в другое место. Идти пешком пришлось еще минут сорок.

Назвать рынком то, что размещалось на обширном пустыре, можно было только имея хорошо развитое воображение. Это была просто сильно затоптанная грязная территория, ограниченная с одной стороны унылыми железными коробками-ларьками. С другой стороны высились какие-то мрачные здания складского типа (на языке вертится слово “пакгаузы”, но я не уверен, что это правильно). С двух оставшихся сторон пространство замыкал высокий дощатый забор, местами сильно покосившийся. По размеру все это было в половину футбольного поля, может немного побольше, только на этом поле толклись сотни людей. В центре рядами тянулись грубо сколоченные столы-лотки, на которых располагался товар. Ближе к краям всякой всячиной торговали не с лотков, а с ящичков, а ходить мимо этих столов и ящичков приходилось по грязи, с трудом огибая совсем уж непролазные лужи. Одним словом, это была “барахолка” во всей ее красе.

Протиснувшись мимо “промтоваров”, которые меня не интересовали, я увидел то, что нужно. Красивыми горками лежали яблоки, груши, прочие фрукты-овощи. Особенно понравились мне помидоры – круглые, ярко-красные, с ощутимым помидорным запахом (те, что я сейчас покупаю в супермаркете, выращены, скорее всего, на гидропонике и совершенно не пахнут). Тетенька в ватнике, увидев мой взгляд, стала настойчиво предлагать: “Та вы тилькы спробуйтэ”!.. Один помидор был разрезан на дольки и можно было откусать. Но лежали эти дольки на какой-то газете несвежего вида, и я не решился, просто взял и купил десяток помидоров без дегустации. Цена была высокая, но с моими российскими рублями это было вполне приемлемо. Помидоры тетенька переложила в мою авоську. Руки у нее были натруженные, загрубевшие, она явно не была перекупщицей и наверняка свой товар вырастила сама. Ничего другого я покупать не стал.

Нарезанные помидорные дольки стояли перед глазами, и мне непреодолимо захотелось попробовать их на вкус. Я прошел по периметру, пытаюсь найти, где можно помыть помидоры. На старом рынке рядом с туалетом торчала труба – откроешь кран и помоешь руки или овощи-фрукты. Но здесь я не обнаружил ни туалета, ни трубы с

водой. Я поспрашивал у нескольких человек, но они только пожали плечами, сами не знали. И я не сдержался, вынул носовой платок, вытер как мог тщательнее один помидор, и не торопясь с наслаждением съел. Тетенька была права – помидор был с грядки и очень вкусный.

Больше мне делать на рынке было нечего, но и выбираться в город не имело смысла, все было еще закрыто. Поэтому я не спеша обошел столы, разглядывая всякую рухлядь. В то время похожую картину можно было увидеть и в нашей северной столице. Например, на улицах, примыкающих к станции метро “Площадь Мира”, по которым мне приходилось пешком добираться на работу. Сейчас трудно представить, что это было всего 15 лет назад.

В какой-то момент я почувствовал внутри легкое шевеление. Потом еще, потом заурчало. Но желудок у меня всегда был крепким, и я не очень обращал внимание, поурчит и перестанет. Однако, в этот раз было по-другому. Быстро, а если сказать точнее – стремительно, “процесс пошел”. Внутри все начало перекатываться волнами, периодически возникала сильная боль. Не знаю, что это было, скажем, кишечная палочка или какая-то аллергическая реакция организма на непривычный овощ – в Ленинграде помидоры мне тогда были не по зарплате. Но об этом я не думал, а о чем думал, догадаться нетрудно: мне срочно, просто позарез был необходим туалет. Впрочем, это я сейчас пишу “думал”, в той же ситуации, похоже, никаких мыслей в голове вообще не было, был сплошной ужас. Да, так точнее всего – в животе боль, в голове – ужас.

Обхватив себя руками, прижимая к телу авоську со злополучными помидорами, осклизаясь на раскисшей от недавнего дождя дорожке, согнувшись от режущей боли в утробе, я медленно полз вдоль забора. Периодически чуть-чуть отпускало, тогда все же пробивалась тоскливая мыслишка: ближайший известный мне туалет находится на вокзале и добраться до него можно было часа за полтора. Но боль возвращалась, и мысль исчезала. При этом я тихонько двигался в сторону пакгаузов. Почему именно туда, а не в противоположном направлении, где вероятность найти то, что нужно, была выше? Я не знаю. Могу предположить только, что здравый смысл работал с очень серьезными перебоями.

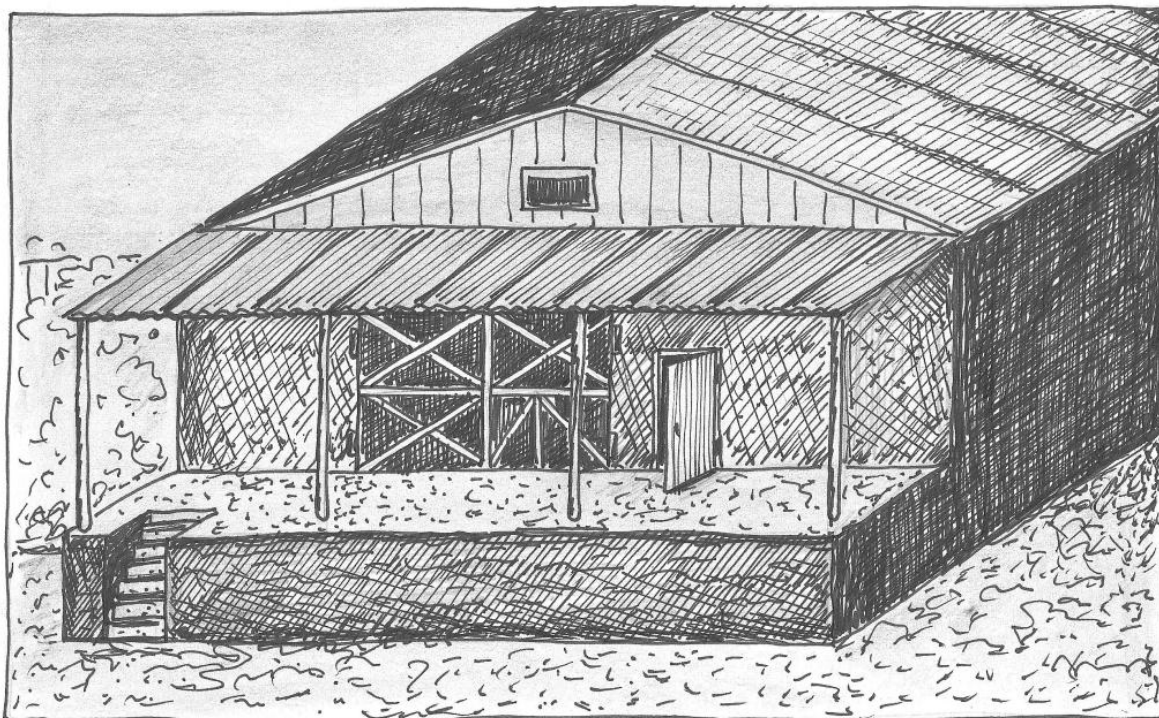
Наконец я подошел к ближайшему зданию. Вдоль всего фасада тянулась высокая рампа, прикрытая сверху козырьком, такая же была когда-то на нашем заводе у одного из складов. И большая дверь, окованная крест-накрест металлическими полосами, была похожей. Оказалось, что сбоку в рампе есть ступеньки, и я по ним с трудом поднялся. Зачем я это делаю, объяснить я не смог бы. В глухой кирпичной стене, рядом с большой дверью, была еще одна, поменьше, и она была чуть-чуть приоткрыта. За ней – длинный неширокий коридор, обшитый сверху светлым пластиком, а снизу, до уровня груди, тоже пластиком, но “под дерево”. Вдоль высокого потолка горели яркие люминесцентные лампы. Слева в стенке, по середине коридора, была дверь, окрашенная в бежевый цвет, в самом конце – еще две таких же двери. Было больше

похоже на бюрократическую контору, чем на складское помещение, не хватало только соответствующих табличек на дверях.

Я потихоньку двигался и думал – вот сейчас в коридор выйдет дородная дама-бухгалтер и спросит, что я здесь делаю... Но никто не вышел. Я тронул ручку первой двери, это был туалет. Почти такой же, как в обычной городской квартире – чистенький, с рулончиком туалетной бумаги, фаянсовым светло-голубым умывальником и аккуратным кусочком мыла в белой мыльнице. Правда, почему-то без теплой воды, но это можно было пережить...

Уходил я значительно быстрее, чем шел сюда. Опять никто не встретился, коридор был по-прежнему пуст. Входную дверь я оставил немного приоткрытой, как была до этого. А когда сбегал вприпрыжку по ступенькам рампы, ей-богу, показалось, что погода стала лучше. Хотя, быть может, просто солнце выглянуло, встало к этому времени... Вот и все, дальше в памяти ничего не осталось – как будто кто-то щелкнул выключателем в помещении без окон.

Апрель 2005 года

“Пакгауз” выглядел примерно вот так, я нарисовал его по памяти.